

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИАЛЬНОЙ АНТРОПОЛОГИИ

В. И. Дудина

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ МЕТОД: ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ К ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКОЙ ТОЧКЕ ЗРЕНИЯ

В 1904 г. вышла в свет работа М. Вебера «Объективность социально-научного и социально-политического познания». Основная тема статьи — возможность существования «объективно-значимых истин» в науках о культуре. Признаком социально-политического характера проблемы, по Веберу, является тот факт, что «проблема не может быть решена на основе чисто технических соображений, вытекающих из твердо установленных целей; спор должен идти о самих параметрах ценности» [1, с. 351], а в таком споре неизбежно сталкиваются различные интересы и мировоззрения. Соответственно, встает вопрос о возможности объективного познания в социальной науке.

Более чем через 90 лет после опубликования работы Вебера, французский социолог П. Бурдьё в статье «За рационалистический историзм» в очередной раз ставит на повестку дня вопрос об объективности и научности социальных наук, которые «уже не раз становились предметом методологического сомнения ... в силу аргумента, неустанно повторяемого во всех курсах философии, ... согласно которому ученый, погруженный в изучаемую им реальность, принципиально не может иметь "объективного" воззрения на свой предмет. ... Действительно, социолог находится в обществе, а историк — в истории. И что же, социология и история обречены тем самым навечно оставаться у порога науки?» [2, с. 9].

Что представляет собой научная объективность вообще и, в частности, в каком смысле можно говорить об объективном познании в социологии? Первое, что приходит на ум, когда мы говорим «объективное познание» — представление о процессе познания, как направляемом не личными субъективными пристрастиями ученого, а правилами научного метода. Если мы говорим об «объективном знании», то имеем в виду знание, соответствующее познаваемому объекту, адекватно его отражающее. Когда же мы пытаемся ответить на вопрос, каков критерий объективной значимости полученного знания, то, если оставить в стороне бесспорное, однако плохо поддающееся операционализации утверждение о практике как критерии истины, первым и ближайшим критерием, удостоверяющим соответствие полученных результатов объективному положению дел, будет ни что иное как применение научного метода. Тем самым мы приходим к

Дудина Виктория Ивановна (р. 1968) — кандидат социологических наук, ассистент кафедры прикладной и отраслевой социологии факультета социологии Санкт-Петербургского государственного университета.

Адрес: 193060, Санкт-Петербург, ул. Смольного, д. 1/3, 9-й подъезд.
Тел.: (812) 271-9727. E-mail: vidu@soc.pu.ru

тавтологии: результат объективен, так как получен вследствие применения объективного научного метода.

Можно получить знание, соответствующее действительности, отражающее независимо существующие объекты (и в этом смысле объективное) через открытие, озарение, интуицию, но чтобы полученный результат был признан научным сообществом, он должен быть обоснован через систему принятых в данном научном сообществе методологических допущений. Перефразируя известное выражение, можно сказать: «У меня есть результат, но я еще не знаю как его получить». Научные открытия, осуществляемые на интуитивном уровне требуют легитимации посредством научного метода. Как утверждал К. Поппер, науку характеризуют методы, а не результаты, а история науки — не столько история открытий, сколько история развития научного метода. Справедливость данного утверждения для естественных наук не вызывает сомнений. Действительно, там можно достаточно четко проследить определенные этапы становления и развития метода, что принято связывать с такой характерной чертой естественных наук, как семиотическая однородность (использование более или менее однородного языка описаний, единство терминов и понятий), соответственно, в области естественных наук можно говорить о прогрессе научного знания.

Что по этому поводу можно сказать о социологии и возможно ли выявить общую логику развития метода социологии, не оправдываясь «мультипарадигмальностью» и своеобразием различных подходов? Говоря о методе, а не о методах, мы из сферы методологии, описывающей особенности отдельных методов и подходов, попадаем в сферу эпистемологии, рассматривающей, на каких допущениях строятся те или иные системы знания. Безусловно, представление о развитии является определенной идеализацией, однако подобная идеализация в ряде случаев представляется необходимой, поскольку дает перспективу и критерии для соотнесения между собой различных подходов и точек зрения.

Чтобы говорить о развитии социологического метода, необходимо наметить систему координат, относительно которой можно было бы усмотреть определенную направленность. В качестве такой системы мы предлагаем использовать принятое в философии науки выделение трех идеальных типов методологии — классической, неклассической и постнеклассической. Анализ различных теоретических подходов в социологии с точки зрения того, как они проявляют черты того или иного типа, позволяет выявить, с одной стороны, определенную преемственность в развитии социологического метода, а с другой стороны, помещает социологию в более широкий контекст развития науки, делая акцент на существовании общенаучных методологических ориентиров.

Хотя принято с определенной степенью точности выделять временные промежутки возникновения того или иного типа методологии, это не означает, что в истории науки они непременно сменяли друг друга, скорее, можно говорить об их сосуществовании. Так, появление неклассической методологии отнюдь не означало, что классические подходы ушли со сцены. И, напротив, в рамках классических подходов можно усмотреть ростки методологии неклассического типа.

Какие же черты определяют тип научного мышления, получивший название классического и господствовавший в науке до конца XIX в. и продолжающий оказывать значительное влияние на мышление ученых вплоть до настоящего времени? Во-первых, познающий субъект ставится в позицию «абсолютного наблюдателя»: «Точка начала координат, в которой находится исследователь, его социальная позиция абсолютно "прозрачна", не имеет собственной плотности, способной не только преломлять видимую картину социального мира, но и задавать "расстояние" между точками в пространстве теории» [3, с. 45]. Отсюда и задача познания — описание объектов такими, какие они есть «сами по себе», причем исключительное право подобного «объективного» взгляда принадлежит именно ученому, который в силу своей абсолютной позиции обладает своего рода монополией на истину. Если в области естественных наук подобная точка зрения ведет к игнорированию тех ограничений, которые накладывают на наблюдение, например, измерительные приборы, то в социальных науках из теоретических описаний элиминируется еще и социальная позиция исследователя, которая обуславливает определенную ограниченность его точки зрения. Причем именно такая элиминация и рассматривается как одно из условий объективности полученных знаний. Предполагается, что ученый обладает объективным видением, благодаря наличию у него научного метода, а вопрос о том, насколько сам метод может изменять наблюдаемую картину реальности и чем, кроме соображений целесообразности, обусловлен выбор того или иного метода, обычно не ставится. Например, идея, которую высказывает Дюркгейм в «Методологии социологии» о том, что «необходимо объяснять социальные факты не на основе общей идеи о них, а на основе *внутренне присущих им свойств*» (курсив наш. — В. Д.) прогрессивна для своего времени, но вряд ли может служить безусловным ориентиром для современных исследователей. По крайней мере, в том смысле, который вкладывал в это требование Дюркгейм, так как в основе признания им возможности описывать вещи «сами по себе» лежит неявное классическое предположение о том, что иерархии, типы и классификации содержатся в самой реальности, а задача социолога — извлечь их и адекватно описать (при этом не учитывается тот факт, что угол зрения может менять и всю систему классификаций).

Именно этой задаче — познания вещей самих по себе — и подчинен классический научный метод. Во-первых, метода «не должно быть видно», т.е. из теоретического описания нужно исключить все, что относится к средствам и операциям познавательной деятельности. Во-вторых, предполагается, что может быть найден наилучший метод, который в любых условиях гарантирует построение теории на основе фактов. В этом проявляется еще одна характерная черта классической методологии — миф о существовании единственно правильного метода, который и является ключом к истине.

В конце XIX – начале XX в. происходит постепенный переход к новому типу рациональности — неклассическому. Суть неклассического подхода — переход от описаний и классификаций к поиску конечных оснований теории, к анализу того, как методы и познавательные средства обуславливают сущность и форму теории. Теория не рассматривается больше ни как отражение реальности один к одному, ни как простое описание опытных данных, но, в первую очередь, как идеализация, рационализация, упрощение. Основная черта неклассической ме-

тодологии — рефлексия над методом: в процессе познания реальность отвечает на наши вопросы, но ее ответы зависят не только от ее устройства, но и от нашего способа постановки вопросов.

Если для классического подхода характерно рассматривать позицию исследователя как отстраненно-созерцательную (разум как бы со стороны наблюдает реальность), то при переходе к неклассической методологии происходит осознание того, что познающий субъект находится внутри предметного мира, составляет его часть, понимает, переживает этот мир, следовательно, его знание субъективно. Однако признание такого рода субъективности не равнозначно субъективизму. Неклассическая методология предлагает такое средство преодоления субъективизма, как учет особенностей средств и методов познавательной деятельности, ограничений, накладываемых ими, в теоретических описаниях. Объективность, с этой точки зрения, есть ни что иное как «осознанная субъективность»: познание перестает быть субъективным, когда субъективность рефлектируется, сама становится объектом.

В неклассической методологии начинается разрушение позиции абсолютно-го наблюдателя, признается, что позиция исследователя не абсолютна, а сфера наблюдения ограничена самими исследовательскими инструментами. Возникает идея множественности, дополнительности описаний реальности и методов исследования. Появляется осознание того, что традиционный, классический метод, состоящий в исследовании собранных данных — не единственный способ достижения обобщений, некоторые обобщения могут быть найдены, благодаря изучению методического обеспечения исследования.

В социологии переход к неклассической методологии намечен, в значительной мере, работами М. Вебера. Признак научного исследования, по Веберу, — объективная значимость его выводов. Субъективные переживания исследователя, составляющие основу метода понимания, обретают общезначимость через понятия, с помощью которых обобщается многообразие эмпирического опыта. Но как противостоять тому, что то или иное понятие выбирается исследователем в соответствии с собственными предубеждениями? Ответ Вебера звучит так — необходимо изучить логику и способ образования понятий, т.е. объективировать эти предубеждения. Оценка и отнесение к ценности — два акта, участвующие в образовании понятий, при этом если оценка не выходит за пределы субъективности, то отнесение к ценности, напротив, превращает наши впечатления в объективные и общезначимые суждения. Таким образом, выбор и обработка объекта исследования диктуются не мифической «природой вещей», «положением дел» или «объективными обстоятельствами», но направленностью научного интереса, который, в свою очередь, отражает «установку определенной исторической эпохи», «направление интереса эпохи». Тем самым процесс познания рассматривается как включенный в исторический контекст, как часть изменяющейся и развивающейся исторической реальности, а научные понятия трактуются с точки зрения их «исторически-преходящего характера», что, однако, не ставит под сомнение их значимость как и н с т р у м е н т о в познания, с помощью которых можно более или менее приблизиться к истине.

Классическая методология науки постулирует возможность познания истинной, «объективной» природы вещей с помощью единственно-верного научного метода, соответствующего изучаемому объекту. Объективность рассматривается

как соответствие фактам. Неклассическая методология для достижения объективного знания предлагает объективировать познавательные средства и методы, используемые исследователем: если мы не можем иметь абсолютного знания, то по крайней мере должны четко обозначать границы наших познавательных возможностей, отдавать себе отчет в том, что объект, как он представлен в нашей теории, в значительной мере сконструирован используемым методом. Научная объективность в данном случае трактуется как интеллектуальное согласие, совмещение нескольких перспектив, а рефлексия средств и методов познания — как условие достижения объективности.

Начиная со второй половины XX в. можно говорить о формировании нового типа методологии, который некоторые исследователи предлагают называть постнеклассическим [4]. Несмотря на определенную условность подобного разграничения, представляется, что выделение наряду с неклассической методологией постнеклассического ее типа позволит более четко определить те черты научного исследования, которые начали осознаться учеными со второй половины XX в. Определяющей чертой постнеклассической методологии является растущее осознание того, что наука представляет собой социальное предприятие и потому научную картину мира в значительной мере определяют цели и ценности научной деятельности. Происходит дальнейшая трансформация позитивистского идеала «ценностно-нейтрального исследования», наука уже не рассматривается как царство чистой объективности и неангажированности. Современный критерий научности — не истина или справедливость, но эффективность, а растущая зависимость эффективности науки от финансирования ведет к тому, что исследовательские приоритеты определяются не столько изнутри самого научного дискурса, сколько целями экономического и социально-политического характера. (В частности, один из индикаторов такого положения дел — требование обоснования социальной значимости и актуальности исследований.)

Каковы предпосылки формирования постнеклассической методологии? Социологическая методология находится под существенным воздействием факторов, внешних по отношению к исследовательскому проекту. Среди такого рода внешних предпосылок возникновения постнеклассической методологии в социологии можно, на наш взгляд, особо выделить изменение воззрений на роль науки в обществе, связанное с трансформациями так называемой эпохи постмодерна. Наука, как одна из разновидностей систем экспертного знания (экспертное знание здесь понимается как противостоящее обыденному, повседневному знанию), претерпела в XX в. значительные изменения, что привело к существенному подрыву ее монополии на истину. Во-первых, с развитием систем массовой коммуникации значительно возросла открытость экспертных систем: эксперты во многих областях теряют монополию на знание, их сообщества утрачивают «герметичность», возникает уверенность, что к специальному знанию может приобщиться любой желающий. Во-вторых, повышение значимости и распространенности экспертных систем в современном мире ведет к увеличению количества людей, вынужденных в своей повседневной жизни взаимодействовать с экспертами (врачами, юристами, программистами и т.д.), что ведет к дальнейшей «де-сакрализации» экспертных систем и самой позиции эксперта, в том числе и позиции ученого. Подобное изменение воззрений на роль

экспертного знания ведет к восстановлению в правах повседневности, признается, что *laupan* также может иметь компетентные суждения, если не о технических деталях деятельности экспертов, то о нормах и ценностях экспертной работы в той части, где значение ее результатов выходит за границы узкого профессионального сообщества.

Внутринаучные источники формирования постнеклассической методологии содержатся в самом неклассическом подходе. Последний акцентирует внимание на ограничениях, накладываемых средствами и методами познания, а те, в свою очередь, в значительной мере зависят от принадлежности исследователя к определенной научной школе, от его позиции. В соответствии с этим, позиция исследователя трактуется как встроенная в структуру исследуемого объекта, а ученый выступает не только как наблюдатель, но и как часть изучаемой реальности. Тем самым стирается граница между объектом и субъектом познания — познающий субъект вместе со своим методом составляет часть объекта, что ведет к полному разрушению представлений о существовании абсолютного наблюдателя. Более того, понятие «наблюдения» в этом случае вообще теряет смысл, скорее, оно может быть заменено представлением о «вмешательстве», «участии» и т.д. Научная картина мира отныне рассматривается не как «взгляд сверху», а как одна из возможных точек зрения, ограниченная практическим горизонтом. В соответствии с изменением точки зрения на позицию исследователя, меняется и взгляд на сущность процесса познания: процесс познания одновременно предстает как процесс конструирования реальности. Объяснения, предлагаемые ученым, укоренены в практическом знании, присущем ему как социальному деятелю, соответственно, и научное исследование может рассматриваться как равноправная практика, вместе с другими практиками вносящая свой вклад в «конструирование» реальности: в процессе исследования ученый не столько открывает смысл, сколько конструирует его, переводя практическое понимание, изначально присущее ему как социальному деятелю, на язык своей науки. Подобное положение дел ставит под сомнение не только возможности социологического метода, но и легитимность позиции социолога — что делать социологу-профессионалу, если множество «обыденных социологов» занимаются, по сути, тем же самым, т. е. конструированием смыслов?

Сущность так называемой постмодернистской социологии составляет попытка отстоять чистоту собственно научного дискурса под неявно принимаемым лозунгом: «Наука для науки». Ж. Лиотар со свойственной постмодернистам склонностью к компромиссам, утверждает: «Наука играет в собственную языковую игру и не может легитимировать другие языковые игры» [5, с. 97]. Другими словами, функция науки состоит не в замене одних интерпретаций другими, а в расширении поля этих интерпретаций. Однако любая интерпретация, которая дается от имени науки, представляет собой легитимацию (пусть в глазах не всего общества, а какой-то его части), независимо от того, провозглашает ли она открыто замену других интерпретаций или нет. Между тем, постмодернистская социология легитимирует герметичность дискурса и отрыв науки от «жизненного мира», объявляя век постмодерна — «веком сообщества»: научные истины не являются универсальными, они имеют значение только в рамках традиции отдельного научного сообщества; не существует позиции, с которой можно было бы делать абсолютные утверждения; невозможно устано-

вить правила, которые бы распространялись за пределы данного «сообщества смыслов» или традиции. Частная традиция — неизбежность, ограничивающая объективность.

Очень удобное объяснение, если не различать две стороны научной деятельности: науки — как особой области организации интересов и науки — как сферы реализации собственно познавательных устремлений. Отстаивание чистоты своего научного сообщества относится к сфере организации интересов, которая обосновывается неопределенными и многозначными понятиями «парадигмы» или «научной традиции». Одним из следствий борьбы за чистоту точки зрения является утрата публичности, присущей социальной науке, когда члены профессионального сообщества «обретают скверную привычку писать друг для друга, а не для широкой аудитории. Парадигма становится жаргоном, по которому отличают своих от чужих» [6, с. 117].

Провозглашаемый постмодернистами «частный универсализм» традиции (нельзя быть правым везде, но можно быть правым внутри своего сообщества) принимает как неизбежное зло нестыковку и непереваемость различных теоретических подходов, оправдывая и закрепляя «мультипарадигмальность» социологии, и вместе с тем, обеспечивает относительно уютное и спокойное существование социологов, освобождая их от необходимости каким-либо образом доказывать свою правоту. Внеаучная детерминированность исследовательских приоритетов мирно уживается с отсутствием устойчивых критериев проверки надежности и объективности социологического знания, превращая социологию в своего рода практическое искусство по созданию «образов компетентности». Зачастую, особенно в эмпирических исследованиях, социологическое объяснение представляет собой не строгую логическую конструкцию, как того требует научная этика, а приблизительное объяснение тех или иных феноменов на основе здравого смысла, достаточное для того, чтобы служить определенным практическим целям. Выступая как игрок на поле науки, социолог демонстрирует свою компетентность с помощью имеющихся в его распоряжении культурных ресурсов, конструируя научную объективность. В этом случае объективным считается то, что признается научным сообществом как объективное и навязывается в качестве объективного тем, кто не обладает соответствующей компетентностью.

Если же перейти от проблемы организации интересов ученых к проблеме научно-познавательных устремлений, от отстаивания чистоты своего сообщества — к старомодному поиску объективности, если, в конце концов, оставить за социологией право описывать социальную реальность, а не только «собственный опыт исследования», то можно утверждать, что единственное средство достижения объективного познания в социологии состоит в том, чтобы сделать прозрачным процесс конструирования объективности. Тогда развитие социологического метода предстает как все более четкое осознание оснований научного исследования: от неклассического интереса к исследованию средств и методов конструирования объекта — к постнеклассической рефлексии позиции социолога и социологии в социальном пространстве. Можно утверждать, что социологический метод развивается в направлении все большей актуализации эпистемологической проблематики, постепенной проблематизации онтологических оснований научного исследования, прояснения условий, при которых

социологическое знание формируется и социально поддерживается. Развитие метода социологии предстает тогда как развитие средств преодоления ограничений, накладываемых на возможность получения истинного знания как социальной позицией ученого, встроенной в объект исследования — общество, так и самой теоретической точкой зрения, задающей определенный ракурс рассмотрения реальности.

Традиционный «этнос науки» (непредубежденность, незаинтересованность в извлечении личной выгоды из полученных результатов, независимость, самокритичность и т.д.) призван служить получению более объективного знания, сводить к минимуму воздействие различных источников искажений, т.е. по сути дела, направлен на конструирование позиции «абсолютного наблюдателя». Классическая точка зрения состоит в том, что наука возможна тогда, когда ученый существует как наблюдатель — лицо «неучаствующее», а потому имеющее возможность выносить универсальные суждения. Для постнеклассического этапа больше подходят такие понятия, как «понимание действием», «конструирование смысла», «участвующее наблюдение». Слепое декларирование следования ценностям классической науки, когда сложный и противоречивый процесс исследования легитимируется задним числом использованием «наукообразной риторики» и возникновением «ореола анонимности» благодаря особенностям стиля написания научных статей, не только не устраняет источники искажений, но, напротив, уводит от объективности гораздо дальше, чем четкая рефлексия допущений и предубеждений, которые неизбежно присутствуют в деятельности ученых и обусловлены не в последнюю очередь особой позицией социолога в социальном пространстве.

Позиция социолога — частная точка зрения с претензией на универсализм и приблизиться к универсализму можно только через рефлексию специфики и ограниченности этой частной позиции. На практике это может выглядеть как введение в любое научное объяснение описания тех основополагающих допущений, которые ограничивают сферу наблюдения и руководят «обработкой» объекта исследования и выбором методов его изучения. В этом случае любая теория должна быть представлена вместе с методом ее создания, а исследование — как исследование реальности и исследование самого исследования. Единственное преимущество, которое остается у социологической науки перед прочими равноправными точками зрения в так называемую эпоху постмодерна с его скепсисом в отношении любых обобщений и иерархий, состоит в возможности научного мышления осознавать, делать явными те основополагающие допущения, на которых оно покоится, относятся ли последние к специфике теоретического взгляда как такового или к особой социальной позиции исследователя. Такой подход позволяет, в частности, проводить четкую границу между функциями исследователя социального мира и практического деятеля, что особенно актуально для социологии. Для успешного осуществления практической деятельности необходимо конструирование однозначных интерпретаций, выполняющих функцию легитимации определенной практики, в то время как задача теоретической работы состоит в анализе этого процесса конструирования. Наука, онтологизирующая свои понятия, рискует превратиться в идеологию. По крайней мере, такая опасность сохраняется до тех пор, пока не произошло окончательное разрушение позиции «абсолютного наблюдателя», т.е.

пока социальная наука все еще претендует на то, чтобы рассматриваться как дискурс, стоящий над практикой, а не как одна из практик, вносящих свою лепту в конструирование реальности.

Литература

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического познания // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990.
2. Бурдьё П. За рационалистический историзм // Социо-Логос постмодернизма. S/Л'97. М., 1996.
3. Теория и жизненный мир человека / Отв. ред. В. Г. Федотова. М., 1995.
4. Степин В. С. Деятельностная концепция знания // Вопросы философии. 1991. № 8.
5. Теория организаций и организационное проектирование (пособие по неклассической методологии). Саратов, 1997.
6. Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. СПб., 1998.